



Информация для цитирования:

Шаравин А. В. Резиньяция : об экспрессивно-семантической эволюции заимствования и прецедентного имени / А. В. Шаравин, О. Е. Вороничев, И. Л. Старцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 125—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-125-146.

Sharavin, A. V., Voronichev, O. E., Startseva, I. L. (2024). Resignation: Expressive-Semantic Evolution of a Borrowing and a Precedent Name. *Nauchnyi dialog*, 13 (10): 125-146. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-125-146. (In Russ.).



Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Резиньяция: об экспрессивно- семантической эволюции заимствования и прецедентного имени

Шаравин Андрей Владимирович

orcid.org/0000-0003-1282-4229

доктор филологических наук, доцент,
кафедра русской, зарубежной литературы
и массовых коммуникаций,
корреспондирующий автор
ekllier@mail.ru

Вороничев Олег Евгеньевич

orcid.org/0000-0001-7983-9025

доктор филологических наук, доцент,
кафедра методики начального образования
и педагогического менеджмента
voonid@mail.ru

Старцева Ирина Леонидовна

orcid.org/0009-0002-7376-8769

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра русской, зарубежной литературы
и массовых коммуникаций
kafedra338@mail.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Resignation: Expressive- Semantic Evolution of a Borrowing and a Precedent Name

Andrey V. Sharavin

orcid.org/0000-0003-1282-4229

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian, Foreign Literature
and Mass Communications,
corresponding author
ekllier@mail.ru

Oleg E. Voronichev

orcid.org/0000-0001-7983-9025

Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Elementary Education
Methodology and Educational Management
voonid@mail.ru

Irina L. Startseva

orcid.org/0009-0002-7376-8769

PhD of Pedagogy, Associate Professor,
Department of Russian, Foreign Literature
and Mass Communications
kafedra338@mail.ru

Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается узкоупотребительное в современном русском языке заимствование из французского языка *résignation* (русские графические варианты *резиньяция* и *резигнация*), парадоксально совмещающее признаки экзотизма, неологизма и архаизма. Прослеживается эволюция этой лексемы, обозначающей особое психологическое состояние человека, на русской почве — с момента ее вхождения в русский язык в конце XVIII века через транзитный немецкий благодаря популярности у прогрессивной части русской интеллигенции одноименной элегии Шиллера до обретения статуса прецедентного имени и дополнительных семантических оттенков и коннотаций в текстах И. С. Тургенева и других отечественных писателей. Анализируются возможные причины ухода этой лексемы, не успевшей войти в активное употребление, в пассивный запас: отсутствие единообразного кириллического варианта написания слова, продуктивного словообразовательного гнезда, ореол элитарности, ассоциативная связь с корнями в русских словах *резать*, *резкий* и, как следствие, проигрыш в фонике русским синонимам *покорность*, *смирение* и другим.

Ключевые слова:

резиньяция; резигнация; прецедентное имя; лексема; семантика; Шиллер; устаревшее слово; неологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the narrowly used borrowing from French, *résignation* (with Russian graphic variants *rezinyatsiya* and *rezignatsiya*), which paradoxically combines features of exoticism, neologism, and archaism in contemporary Russian. The evolution of this lexeme, denoting a particular psychological state, is traced on Russian soil — from its introduction into the Russian in the late 18th century via German transit, spurred by the popularity of Schiller's eponymous elegy among the progressive Russian intelligentsia, to its attainment of the status of a precedent name and its additional semantic nuances and connotations in the works of I. S. Turgenev and other domestic writers. The article analyzes possible reasons for the decline of this lexeme, which failed to enter active usage and instead receded into passive vocabulary: the lack of a uniform Cyrillic spelling variant, the absence of a productive word formation family, an aura of elitism, and associative links to roots in Russian words such as *rezat'* (to cut) and *rezkiy* (sharp), resulting in a phonetic disadvantage compared to Russian synonyms like *pokornost'* (submission) and *smireniye* (humility).

Key words:

resignation; precedent name; lexeme; semantics; Schiller; archaic word; neologism.



УДК 81'373.45

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-125-146

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Резиньяция: об экспрессивно-семантической эволюции заимствования и прецедентного имени

© Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Старцева И. Л., 2024

1. Введение = Introduction

Малоизвестная большинству носителей русского языка лексема *резиньяция* представляет собой весьма интересный объект филологического исследования с парадоксальным сочетанием узуальных типологических признаков. С одной стороны, она является устаревшим словом (собственно лексическим архаизмом) по отношению к лексическому составу общеупотребительных слов современного русского литературного языка. С другой стороны, она устарела настолько стремительно по меркам существования отдельно взятого слова в русском языке, что не успела ещё утратить ореол неологичности. В то же время экспрессивно-семантическая эволюция, судьба этого слова в русском языке тесно связаны с понятиями прецедентность и интертекстуальность. Прецедентность в филологических работах конца XX — начала XXI веков рассматривалась как в лингвистическом, так и в литературоведческом дискурсах. Н. Г. Михновец отметила различие в подходах: «Лингвистическое исследование прецедентности предполагает фиксацию вербальных средств выражения прецедентных феноменов с ориентацией на обретающие канонический статус инварианты. Это заглавия произведений, цитаты, имена персонажей и имена авторов художественных произведений» [Михновец, 2007, с. 12—13]. В противовес этому «литературоведческое осмысление предполагает интерес к инвариантной составляющей в цепочке “исходный прецедентный текст — тексты-«потомки”», к процессам, в результате которых прецедент «становится неотъемлемой частью «диалога культур», немаловажной причиной новых художественных решений» [Там же, с. 13—14].

Цель исследования — проанализировать экспрессивно-семантическую эволюцию слова и прецедентного имени *резиньяция* в русском языке. Актуальность статьи обусловлена выявлением причин, по которым редкоупотребительная лексема *резиньяция* обрела статус прецедентного имени, не успев войти в широкое употребление в современном русском языке, парадоксально сочетая признаки неологизма и архаизма. Несмотря



на очевидный интерес, который должно вызывать это слово у филологов, детальному исследованию со стороны как отечественных, так и зарубежных ученых оно еще не подвергалось.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалы исследования взяты из Национального корпуса русского языка, текстов произведений и писем русских писателей, политических деятелей, стихотворения «Resignation» Ф. Шиллера, работ литературоведов и лингвистов, статей в толковых словарях русского языка XIX—XX веков.

В статье использовались исторический, описательный, сравнительный методы, а также методы семантического и компонентного анализа. Метод сравнительного анализа привлекался при определении разноуровневых различий и признаков экспрессивной окрашенности лексемы *резиньяция*. Исторический метод применен при исследовании путей и причин проникновения лексемы *резиньяция* в русский язык из французского языка-источника и транзитного немецкого языка. Описательный метод был необходим при описании систематизированного языкового материала, характеристике его структуры и состава, лингвистической (уровневой), функциональной и экспрессивно-семантической специфики. Семантический и компонентный методы языкового анализа использовались с целью выявления семантики лексемы *резиньяция* как прецедентного имени и элемента интертекста.

Лингвистическую теорию прецедентности детально разработал Ю. Н. Караулов. По мнению исследователя, прецедентными считаются отрезки речи: «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2019, с. 216]. Ю. Н. Караулов выделяет следующие формы проявления прецедентности: «цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы, библейские тексты, виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и пр.)» [Там же, с. 218]. С данной классификацией вполне коррелируют взгляды Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко и В. В. Красных, относящих к прецедентным феноменам (с позиций лингвистики и теории коммуникации) прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные имена [Красных, 2002, с. 17]. При этом, отмечает Д. Б. Гудков, можно выделить 3 уровня феномена прецедентности: «автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный» [Гудков, 2003, с. 115].

Прецедентность тесно взаимодействует с интертекстуальностью. По определению Ролана Барта, который ввёл в научный оборот понятие *интертекста*, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт, 1989, с. 418]. Н. А. Кузьмина обобщенно определяет интертекст как «продукт творческой деятельности человека», способный «бесконечно самогенерировать по стреле времени» [Кузьмина, 2018, с. 204].

Сходство интертекстуальности с прецедентностью В. В. Красных видят в восприятии текста не как композиционно-стилистического образования определенной структуры, а как «постоянного процесса означивания», при котором интерпретация текста адресатом обусловлена уровнем его знаний, а основное различие между этими феноменами — в объекте исследования: теория интертекста изучает художественные тексты, а теория прецедентности — тексты, порождаемые в процессе естественной коммуникации: речевые, спонтанные, импровизационные [Красных, 2003, с. 42—100]. Н. А. Кузьмина разграничивает эти феномены с опорой на их способность / неспособность быть фактами (кодами) культуры: «Интертекстуальность — это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность — явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [Кузьмина, 2018, с. 204].

Однако, с нашей точки зрения, нет веских теоретических оснований для противопоставления явлений интертекстуальности и прецедентности, поскольку интертекстуальность логично рассматривать как общее (родовое) понятие по отношению к прецедентности как видовому. В таком случае прецедентность следует признать осознанной автором (управляемой, заданной) интертекстуальностью. Близкое к нашему понимание находим у И. В. Дергачевой, определяющей «прецедентные феномены» как «прецедентный интертекст, вызывающий аксиологические ассоциации из прежних контекстов, создавая в нем дополнительные приращения смысла» [Дергачева, 2021, с. 127]. Так, в романе «Братья Карамазовы» И. В. Дергачева анализирует «прецедентный интертекст» в поэме «Великий инквизитор».

Базовым, первичным из прецедентных феноменов является *прецедентное имя*, которое обычно тесно связано в сознании носителей языка с двумя другими феноменами одного логического ряда: прецедентным текстом и прецедентной ситуацией. Употребление прецедентного имени, как правило, активизирует в сознании набор его дифференциальных признаков и атрибутов. Первые отличают предмет от ему подобных, вторые

необходимы для его идентификации. Прецедентные имена могут употребляться денотативно и коннотативно, номинативно и образно семиотически [Караулов, 2019, с. 217], не метафорически и метафорически [Нахимова, 2007, с. 7]. При денотативном использовании прецедентное имя указывает на соответствующий предмет, то есть употребляется как обычное имя собственное. При коннотативном — используется для характеристики определенного объекта. Таким весьма показательным неоднозначным прецедентным именем, используемым в художественной и публичной речи с различными коннотациями, является интересующее нас слово *резиньяция* / *резигнация*.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От латинского графического кода (*resignation*) к русской графической версии *резиньяция* и альтернативной кальке *резигнация*

О том, что лексема *резиньяция* является собственно лексическим архаизмом по отношению к лексическому составу общеупотребительных слов современного русского литературного языка, свидетельствует соответствующая помета «устар.» в большом и малом академических толковых словарях [ССРЛЯ, т. XII, стб. 1156; СлРЯ, т. III, с. 699].

Вместе с тем слово *резиньяция* (и его графический вариант *резигнация*) полностью не ушло в пассивный запас лексики. Оно лишь значительно сузило сферу употребления, так как имеет в современном русском языке статус научного термина: используется в работах по психологии и психиатрии, философии, социологии, в литературоведении. Например, в «Социологическом энциклопедическом словаре» дано следующее определение этого термина: РЕЗИГНАЦИЯ (от фр. *résignation* — покорность судьбе, смирение, безропотность) — англ. *resignation*; нем. *Resignation*; фр. *résignation*; чешск. *rezignace*. Отречение, покорность неотвратимому. Р. может быть основана как на познании и чувствовании высшей силы, так и на болезненности и бессилии [СЭС, с. 298].

С опорой на Толковый словарь под редакцией Д. С. Ушакова, где интересующая нас лексема ещё не отмечена как устаревшая, а имеет стилистическую помету «книжное» (РЕЗИНЬЯЦИЯ, и, ж. [от латин. *resignatio* — уничтожение] (книжн.). Полная покорность судьбе, отказ от жизненной активности, безропотное смирение, подчинение [Ушаков, т. III, стб. 1323]), можно утверждать, что из активного нетерминологического употребления в русском языке оно вышло во второй половине XX века. Актуальность слова в первой половине XX века подтверждается и Словарем иностранных слов 1937 года: «**резиньяция** — фр. [résignation] — покорность судьбе, безропотное подчинение» [СИС, с. 487—488].

Это слово интересно прежде всего тем, что просуществовало в литературном языке вне ограниченной сферы употребления — в публицистической и художественной речи (хотя назвать его лексемой широкого употребления в этих функциональных сферах было бы тоже некорректно, поскольку и в них оно использовалось только некоторыми писателями и публицистами) — совсем недолго по меркам жизни слова в языке: на протяжении всего лишь одного столетия. Следовательно, лексема *резиньяция* / *резигнация* во 2-й половине XX века перешла в разряд архаизмов и терминов, фактически не успев ещё полностью утратить ореол узальной неологичности, которым отчасти обладает и сегодня, для современного носителя русского языка, на страницах произведений употребляющих её авторов. Интересна и нестандартна сама «жизнь» этой ЛЕ в русском языке: обычно иноязычные слова входят в язык как термины, а затем или так и остаются в узкоспециальном дискурсе, иногда проникая в какие-либо другие, чаще смежные, терминологические системы, или, постепенно расширяя диапазон использования в речи, становятся общеупотребительными. В случае с *резиньяцией* имел место обратный процесс: заимствование вошло в узус не из научной или технической сферы, а из беллетристики, а затем, так и не успев полностью утвердиться в языке, стало узкоспециальным словом, ограниченным в употреблении в пределах нескольких терминологических систем. Примечательно и то, что в русском языке нет слова, которое было бы семантически адекватным синонимом. Ни одна из ЛЕ *покорность*, *смирение*, *примирение*, *самоотречение*, *раскаяние* не передает нюансы шиллеровского *Resignation*. П. А. Вяземский в сноске к одноименному названию сонета А. Мицкевича (1826) переводит это слово как *покорность*, но тут же комментирует: «В подлиннике заглавие Сонета сего: *Rezygnasya*, с французского слова: *Resignation*, употребленного и Шиллером. У нас нет равнозначительного ему (курсив наш. — А. Ш., О. В., И. С.)» [Вяземский, 1827, с. 204]. Переводчик в стремлении добиться точности вынужден использовать описательные обороты. Сомнения в возможности подобрать русское слово, адекватно отражающее немецкое *Resignation*, высказывалось и в издании собрания сочинений Ф. Шиллера 1901 года под редакцией С. А. Венгерова: «Примирение (1784). Русское заглавие не вполне передает смысл немецкого *Resignation* — сложного настроения, в которое входит понятие самоотречения, покорности судьбе, примирения с непреодолимым» [Шиллер, 1901, т. I, с. 343].

Сложность адекватного перевода названия элегии «*Resignation*» Ф. Шиллера подтверждается и значительным количеством несинонимичных его переложений с немецкого языка на русский. Одним из первых переводчиков стихотворения стал М. Дмитриев (в альманахе «Уrania»

(1826), как и в сборнике «Стихотворения Михаила Дмитриева», название «Resignation» передается как «Покорность провидению (Из Шиллера)» [Дмитриев, 1830; Дмитриев, 1998]. В первом томе собрания сочинений Ф. Шиллера под редакцией Н. В. Гербеля 1857 года опубликованы два перевода элегии Ф. Шиллера, принадлежащие М. Дмитриеву и Г. П. Данилевскому. Оба автора сохраняют немецкое название «Resignation» (отметим, что М. Дмитриев отошел от своего первоначального перевода) [Шиллерь, 1857]. Автор под псевдонимом «... нъ. Бронницы» в журнале «Галатея» (1829) сделал переложение элегии Ф. Шиллера под названием «Всепреданность. (Из Шиллера)» [... нъ. Бронницы, 1829]. Особо следует выделить и перевод названия, сделанный Э. И. Губертом (первый переводчик «Фауста» Гете с немецкого). В 1844 году он сделал прозаический перевод шиллеровского произведения, сохранив название первоисточника «Resignation» [Губерт, 1844]. В 1886 году вышла книга Р. Ф. Брандта (псевдоним Орест Головин), где название элегии Шиллера переводилось как «Отречение» [Брандт, 1886, с. 27—30]. В 1901 году был опубликован первый том собрания сочинений Шиллера в переводах русских писателей под редакцией С. А. Венгерова. В нем был перевод шиллеровской элегии, сделанный кн. Д. Цертелевым, где название немецкого стихотворения переложено как «Примирение» (1874) [Шиллерь, 1901]. В советское время в собрании сочинений 1937 года переводчик А. Кочетков в традициях XIX века сохранил немецкое название «Resignation» [Шиллер, 1937]. Позже было выпущено собрание сочинений Ф. Шиллера в семи томах (1955—1957), где перевод элегии немецкого поэта, изданный под названием «Отречение», принадлежит Н. К. Чуковскому [Шиллер, 1955].

Для исследователя-филолога представляют немалый интерес судьба данного слова, парадоксально сочетающего лексические признаки архаизма, неологизма и экзотизма, и анализ причин возникновения такой парадоксальности.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) и «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863—1866) В. И. Даля его ещё нет. В 12-й том (1961) 17-томного Большого академического словаря оба варианта (*резинация* и *резиньяция*) вошли с пометой «устаревшее» [ССРЛЯ, т. XII, стб. 1153, 1156]. В Национальном корпусе русского языка зафиксированы 48 текстов с 70 примерами использования лексемы *резиньяция* в этом графическом (кириллическом) облике и 11 текстов с 17 примерами использования менее употребительной русской кальки *резинация* [НКРЯ].

Слово *резиньяция* стало утрачивать флёр неологичности, обретая определенную элитарную популярность в русском литературном языке, в 30—40-е годы XIX века. Контексты его употребления зафиксированы

в НКРЯ начиная с 1842—1850 годов: *Конечно, конечно! Для этого нужна большая резиньяция. Ах, как подумаю, сколько я видела таких несчастных!* (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи, 1842—1850) [НКРЯ].

Примерно в то же время появилась конкурирующая калька (транслитерация) *резигнация*, первое употребление которой в НКРЯ зафиксировано в мемуарах П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов», вошедших в сборник «Н. П. Огарев в воспоминаниях современников»: *Когда он изложил друзьям своим в Москве горькие чувства, обуревавшие его накануне почетной ссылки, ему предстоящей, то Огарев, вероятно, по старой памяти, предложил ему в утешение совет считать все происшедшее «частным случаем» и предаться покорному самоотречению — резигнации (résignation)* (П. В. Анненков. Идеалисты тридцатых годов, 1841—1843) [НКРЯ].

Однако первые употребления интересующего нас слова, не зафиксированные в НКРЯ, имели место в эпистолярном жанре, художественной речи и публицистике уже в 20—30-е годы XIX века. Например, оно встречается в одном из писем 1820 года к дочери М. М. Сперанского, русского государственного и общественного деятеля эпохи Александра I: «Отправив мои письма с фельдгерем, я успокоился. Resignation! мне не привыкать к тебе» [ПСДб, с. 1759]. Примечательно, что в данном случае используется ещё латинский графический вариант слова (из первоисточника Шиллера), что может свидетельствовать о его неосвоенности в современном автору русском языке 20-х годов XIX века. Об интересе М. М. Сперанского к творчеству Ф. Шиллера свидетельствует неоднократное упоминание им имени немецкого поэта, а также знакомство не только с лирикой, но и биографией автора элегии «Resignation» («Между тем я прочитал жизнь Шиллера. Не худо быть знакомым с авторами; это вводит и поясняет дух их творений» [ПСДа, с. 1184]). Политическая опала, в которую попал русский реформатор, во многом сделала переживания лирического героя элегии «Resignation» Ф. Шиллера о трагических перипетиях судьбы близкими и понятными ему. М. Сперанский даже отсылает к значению слова *Resignation*, соответствующую номинацию впоследствии переводчики будут использовать для переложения названия произведения (покорность): «Покорность и гибкость — вот все, что нам осталось. Всякий ропот есть бунт против Провидения» [ПСДб, с. 1742]. Одно из первых употреблений анализируемого слова в русском графическом коде находим в письме 1832 года А. И. Тургенева П. А. Вяземскому: «Завтра же обедаю у Леди Ковентри, но все Англинския прелести бледнеют перед черными, опущенными глазами Итальянской инокини, когда она наклоняла свою голову к ножницам, отрезавшим ее русую косу. Какая прелесть и какая резиньяция!» [АБТ, т. I, с. 142]. Пример можно считать подтверждением того, что уже

в 30-е годы XIX века лексема *резиньяция* перестает восприниматься современниками как имеющий латинский графический облик элитарный неологизм: «Шиллеровское “Отречение” от Аркадии нашло в России небывалый отклик. Стихотворение переводили, перефразировали, цитировали, интерпретировали: в сознании многих русских почитателей Шиллера оно стало каноническим текстом» [Thiergen, 2015, с. 84]. В данном контексте слово *канонический* (текст) фактически выступает как синоним к *прецедентный*.

Периодом наиболее активного употребления слова *резиньяция*, судя по частотности его появления в составляющих НКРЯ примерах из произведений и писем русских писателей, публицистов, государственных деятелей и т. д., стала середина и вторая половина XIX века. В это время слово употребляется уже преимущественно в русском графическом коде, то есть постепенно перестает быть, по терминологии Е. А. Проценко, *иносистемной лексемой* (иноязычным вкраплением иного фонетико-графического кода) и становится *интерсистемной* [Проценко, 2006, с. 96—97], адаптированной к русскому языку. У этой ЛЕ на русской почве появился однокоренной глагол *резиньироваться*, который был образован по продуктивной для ЛЕ иноязычного корня словообразовательной модели «от французского *résigner* при помощи суффикса -ирова-» [Захарова, 2019, с. 23]. Примеры употребления этого глагола в XIX веке находим в высказываниях разных деятелей культуры, начиная с В. Г. Белинского: *Быть столько времени и с таким успехом первым голосом в журналистике – и слышать новые, до толе безвестные голоса, которые поют уже совсем другую песню – на это у него недоставало силы резиньироваться* [Белинский, 1982, т. VIII, с. 179]; *Я одного только желал: не примиряться, не резиньироваться, не измениться, не унижаться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане, — сохранить до конца в целостности святое чувство бунта* [Письма ..., 1896, с. 72].

Вместе с тем слово в исходном латинском графическом коде *resignation* продолжало использоваться в речи наряду с русской графической версией *резиньяция* и альтернативной калькой *резигнация* до конца XIX столетия. Так, И. А. Гончаров использует немецкое написание *resignation* в письме П. А. Валуеву от 1881 года: *Оставить или быть оставленной (или -ным) — это громадная разница! в последнем случае жгучая боль, в первом — пожалуй, уныние, скука тоже, пожалуй, страдание, но не жгучее, не мука, а ... большей частью resignation перед необходимостью* [Епишкин, 2010].

Насколько можно судить по примерам, зафиксированным в НКРЯ, из двух конкурировавших кириллических графических вариантов писатели и публицисты отдавали предпочтение имеющему более «эвфемистичный» фонетический облик *резиньяция* (примерно 3:1), хотя один и тот же автор

мог использовать в разных произведениях оба варианта. Ср. у В. Набокова: *Магда упиралась слепому в грудь, поднимала глаза к небу с комической резиныцией* или показывала Кречмару язык, что было особенно, конечно, смешно по сравнению с выражением безысходной нежности на лице слепого (В. Набоков. Камера обскура, 1933); *Я, как зачарованный, наблюдал за лицом Шарлотты, когда она, делясь родительскими тревожениями с другой дамой, делала американскую гримасу женской резиныциации* (с закатыванием глаз и свисанием одной стороны рта), более детский вариант которой я видел, бывало, на лице у Лолиты (В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского], 1967) [НКРЯ].

3.2. Резиныция как прецедентное имя в русском языке и литературе

В ещё большей степени слово *резиныция*, переданное в кириллическом графическом коде, и его изначальный латинский графический вариант — заглавие элегии Шиллера «Resignation» — заслуживают внимания филологов в другом лексическом аспекте — как прецедентное имя (идеоним) в русском художественно-образном переосмыслении.

Таким весьма показательным **неоднозначным** прецедентным именем, используемым в художественной и публичной речи с различными коннотациями, является интересующее нас слово *резиныция* / *резиныциация*.

М. Бахтин в монографиях «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965) так характеризует средневековую категорию «серьезность», одним из составляющих которой является понятие, обозначаемое словом *резиныция*: «В противоположность смеху серьезность была изнутри проникнута элементами страха, слабости, смирения, **резиныциции**, лжи, лицемерия или, напротив, — элементами насилия, устрашения, угроз, запретов. В устах власти серьезность устрашала, требовала и запрещала; в устах же подчиненных — трепетала, смирялась, восхваляла, славословила. Поэтому средневековая серьезность вызывала известное недоверие у народа» [Бахтин, 2008, т. IV, с. 87].

В XIX веке, после употребления слова *resignation* в одноименной элегии Шиллера, вызвавшей горячий отклик у передовой, романтически настроенной интеллигенции, появляется его «классическое» психологическое осмысление: оно стало интерпретироваться «как глубокое отражение трагических противоречий исторического развития», «трагическое просветление на самом дне страдания» [Арсланов, 2007, с. 221, 255], как синтез горькой иронии и серафического начала. В сознании интеллигенции понятие, соотносительное с языковой единицей *резиныция*, прежде всего благодаря восторженному восприятию этого романтического образа

писателем и публицистом Н. В. Станкевичем, с которым были в той или иной степени солидарны П. А. Вяземский, В. Г. Белинский (впоследствии его отношение к *резиньяции* изменилось), И. С. Тургенев и др., стало программным для типа русского идеалиста того времени.

Однако уже в начальный период появления лексемы *резиньяция* и ее «вхождения в моду» у российской интеллигентской элиты возникает дуализм восприятия данного слова-понятия. Эта неоднозначность обусловлена тесным омонимическим взаимодействием нарицательного значения слова *resignation* (его наиболее близкими по семантике русскими синонимами являются ЛЕ *покорность, смирение, безропотность*; именно это нарицательное значение и составляющие семы стали основой современных научных дефиниций данной ЛЕ как термина в психологии, философии, социологии и т. д.), уже известного образованным русским людям той эпохи, хорошо знавшим французский и немецкий языки, первый из которых — источник, второй — транзитёр слова, и его образной семантики в контексте стихотворения Шиллера, сконцентрированной в заглавии, которое стало прецедентным идеонимом (библионимом). В России слово *resignation* обрело коннотации «новомодности», философско-романтической возвышенности, поскольку в контексте элегии Шиллера слово характеризовало возвышенное состояние души, стало ключевым, концептуально значимым. Это закономерно, так как обычно «контекст играет роль координатора ассоциативного фона: он усиливает одни ряды и ослабляет, гасит другие» [Баранова и др., 2010, с. 10]. И в отмеченном выше дуализме восприятия иносистемной нарицательной лексемы при постепенной её адаптации к русскому языку и переходе в интерсистемную на всем протяжении относительно активного употребления в русской публицистике, беллетристике и эпистолярном жанре очевиден приоритет авторской (шиллеровской) возвышенно-утонченной семантики этого слова, то есть семантики прецедентного идеонима, над узуальным значением его нарицательного омонима в языке-источнике.

Отсутствие точного, исчерпывающего содержание романтического образа перевода прецедентного идеонима *Resignation* на русский язык, связанное прежде всего «с наличием лакун в лексико-семантической системе русского языка второй половины XIX века, с невозможностью выразить какое-либо понятие одним словом» [Захарова, 2019, с. 22], приводит к тому, что на русской почве у него появляются различные авторские интерпретации, смысловые приращения и коннотации.

Так, И. С. Тургенев в повести «Яков Пасынков» дополняет значение этого прецедента, который использует в тексте только в латинском графическом коде, семантическим приращением «наслаждение гармонией пере-



ликов ощущений, компенсирующее неотвратимость рока», отражающим особенности восприятия этого термина русской интеллигенцией 30—40-х годов XIX столетия и её представления о романтическом идеале, в соответствии с которым психологическое состояние наслаждения страданием, покорности судьбе, добровольного отречения «от Аркадии», воплотившегося затем у Достоевского в образ возвращенного Богу билета в «Братьях Карамазовых», воспринималось как восхождение души к высшей ипостаси её катарсиса, экстаза, совершенства.

С уходом из активной общественно-политической жизни России плеяды романтиков-идеалистов это представление постепенно меняется в сторону сужения спектра семантических оттенков и мелиоративных коннотаций. Уже со второй половины 40-х годов XIX века в произведениях и письмах таких русских писателей и публицистов, как А. А. Фет, А. И. Герцен, И. А. Гончаров и др., чаще начинает употребляться менее благозвучная калька *резигнация*, обретающая всё более заметные пейоративные коннотации, противоположные возвышенной и утонченной эмоционально-экспрессивной окраске данного слова-понятия в первоисточнике Шиллера. Так, в записи 1 ноября 1846 года в дневнике Н. А. Герцен (см. «Приложение» к 4-й части «Былое и думы») семантика лексемы *резигнация* сужается до доминанты психологического состояния покорившегося судьбе человека, которое не приемлет уверенный в своих жизненных силах автор: *Что это — равнодушие или твердость? — но на все смотришь спокойнее, удовлетворения все меньше и меньше и требовательности меньше... Но резигнация ли это? Какое жалкое чувство; нет, лучше сердиться и страдать. Отчего же я не сержусь и не страдаю, и не сознаю резигнации — и не равнодушие это, стало — твердость. По временам я чувствую страшное развитие силы в себе, не могу себе представить несчастья, под которым бы я пала* [Герцен, 1956, т. IX, с. 272].

В отличие от данной интерпретации, во многом приближающейся к научно-терминологическому пониманию анализируемой лексемы в XX и XXI веках, И. А. Гончаров во «Фрегате “Паллада”» окрашивает кальку *резигнация* в бытовые иронические тона: *«Подъезжаете вы к грязному пространству: сверху вода; проводник останавливается и осматривает, нет ли объезда: если нет, он нехотя пускает свою лошадь, она, еще более нехотя, но все-таки с резигнацией, без всякого протеста, осторожно ступает, за ней другие»; «Я послал за Шейным, но он рапортовал больным. Что делать? вооружиться терпением, резигнацией? так я и сделал. Я прожил полторы сутки, наконец созвал ямищиков, и Шейна тоже, и стал записывать имена их в книжку. Они так перепугались, а чего — и сами не знали, что сейчас же привели лошадей»* [Гончаров, 1997, т. II, с. 646, 706].



Иронию писателя усиливает в следующем абзаце каламбурный эффект, контекстуально обусловленный паронимазией иноязычных слов *резигнация*, *резиденция* и народно-этимологического окказионализма *разведенция*: «Я проехал мимо приисков, то есть резиденции золотоискателей, или разведенции, как назвал ямщик, указывая целую колонию домиков на другом берегу Лены» [Там же, с. 706].

В произведениях «Яков Пасынков» (1855), «Вешние воды» (1872), «Пунин и Бабурин» (1874), «Новь» (1877) И. С. Тургенева — одного из наиболее пристрастных и последовательных русских апологетов романтических идей и образов Шиллера, и прежде всего *резиньяции*, — семантика и коннотации этого прецедентного имени (или его мотива, который угадывается, например, в повести «Фауст») со временем также варьировались, изменялись, контекстуально дополнялись новыми экспрессивными оттенками — в тесной связи с переменами в авторском мировосприятии и различными художественными целями — от «серьезности и лиричности», «ностальгии по прошлому» до «добродушно-иронического освещения», «неглубокого, преходящего чувства» [Данилевский, 2010, с. 97].

Градация отношения Тургенева к *резиньяции*, предопределяющая изменения в семантическом наполнении этого прецедентного имени и его коннотациях, которые можно рассматривать и как отражение экспрессивно-семантической эволюции данного слова-понятия в ментальном сознании, языковой картине мира всей русской интеллигенции, равнодушной к образам Шиллера, отчетливо прослеживается от произведения к произведению.

В повести «Яков Пасынков» (1855) И. С. Тургенев отразил обретение названием шиллеровской элегии двойного статуса: интертекстуального феномена и прецедентного имени. Текст писателя выстроен на активизации и актуализации «сверхличностного характера» лексемы *Resignation*, выступающей как познавательно-экспрессивная основа для нарратива. Название стихотворения Ф. Шиллера персонажи воспринимают как ритмы, импульсы судьбы. Экспрессивная краткая, но емкая коммуникативность задает специфику функционирования шиллеровского названия «Resignation»: — *Теперь? я читаю «Resignation»: прекрасное стихотворение. Хотите, я вам его прочту? Сядьте вот здесь, подле меня, на скамейке* [Тургенев, т. X, с. 60]. И. С. Тургенев еще неоднократно будет использовать слово *резиньяция* в произведениях и письмах, что также свидетельствует о сложившейся в мировоззрении писателя концепции прецедентности названия элегии Ф. Шиллера. Однако с повести «Вешние воды» (1871) в творчестве Тургенева намечается семантическая эволюция данной лексемы. В этом произведении лексическое значение данной номинации

уже не ‘комплекс противоречивых трагическо-гармоничных чувств’, как в «Якове Пасынкове», теперь она служит обозначением мимолетного, быстро проходящего, поверхностного ощущения: *Переход от отчаяния к грусти, а от нее к «тихой резиныяции» совершился довольно скоро в фразе Леноре; но и эта «тихая резиныяция» не замедлила превратиться в тайное довольство* [Тургенев, т. VIII, с. 329]. Прецедентное название элегии «Resignation» уже в повести «Вешние воды» утрачивает ореол интертекстуальности. В произведении слово *резиныяция* пишется уже не на латинице, а в кириллической графике и воспринимается читателем как книжное и иноязычное. В позднее написанном рассказе И. С. Тургенева «Пунин и Бабурин» (1874) герой фиксирует прикрепленность лексемы к пассивному мироощущению, отмечая, что для героини его использование связано с воспоминаниями о прошлом. В этом нарративе *резиныяция* обретает статус элитарной, хотя и устаревшей номинации: *Долго сдержанное негодование прорвалось наконец; потрясенные, вызванные наружу общей душевной тревогой, всколыхнулись старые воспоминания... Но собственно я убедился в это мгновенье, что «новый тип» остался тем же, той же страстной, увлекающейся натурой... Только увлекалась Муза уже не тем, чем, бывало, в молодые годы. То, что в первое мое посещение я принял за **резиныяцию**, усмиренность, и что действительно было тем — этот тихий, тупой взор, этот холодный голос, эта ровность и простота, — все это имело смысл лишь в отношении к прошедшему, невозвратному... Теперь настоящее заговорило* [Тургенев, т. IX, с. 57].

В романе «Новь» (1877) изменяется и написание слова в тексте: оно взято в кавычки. Лексема *резиныяция* — предмет языковой игры, основанной на утрате ей сверхличностного значения. Ее романтический код оказывается имитацией, симулякром. Герой романа Калломойцев «играет комедию», лишь демонстрируя высокий лексический и эстетический потенциал слова: *Валентина Михайловна обещала постараться — и постаралась. Она начала с того, что поговорила en tête-à-tête с Калломейцевым. Неизвестно, что она ему сказала, но он пришел к столу с видом человека, который «взял на себя» быть смирным и скромным, что бы он ни услышал. Эта заблаговременная «**резиныяция**» придавала всему его существованию оттенок легкой грусти; зато сколько достоинства... о! сколько достоинства было в каждом его движении! Валентина Михайловна познакомилась Соломина со всеми своими домочадцами (пристальнее, чем на других, посмотрел он на Марианну) ... и за столом посадила его возле себя о правую руку. Калломейцев сидел о левую. Развертывая салфетку, он прищурился и улыбнулся так, как бы желая сказать: «Ну-с, будемте играть комедию!»* [Тургенев, т. IX, с. 281].

В письмах И. С. Тургенева семантика слова *резиньяция* отражает духовно-интеллектуальные поиски писателя. Отход от шиллеровского восприятия «Resignation» обусловлен обращением к термину *резиньяция* в шопенгауэровском толковании. От немецкого философа у Тургенева эмоциональное восприятие. Конец жизни у писателя проходит в страхе перед надвигающейся смертью, осознании человеческого бессилия перед ней. И, как итог, в письмах через лексему *резиньяция* актуализируется семантика покорности, смирения, беспомощности и трагизма. Развитие семантики анализируемого нами заимствования в творчестве И. С. Тургенева — пример эволюции значения слова: от шиллеровского прецедентного названия, ставшего обозначением типа русского романтика 40—50-х годов XIX века, к обозначению психологического состояния и трагическому шопенгауэровскому звучанию.

Таким образом, коннотации этого прецедента в сознании Тургенева постепенно эволюционировали в сторону аксиологического знака «минус» и в зрелом возрасте писателя достигли апогея пейоративности во фрагменте письма Г. Флоберу от 30 июня (12 июля) 1874 года: «Infirmités, dégoût lent et froid, agitations pénibles des souvenirs inutiles — voilà, mon bon vieux, la perspective qui s'offre à la vue del'homme ayant passé la cinquantaine. Et pardessus et au-delà de tout cela — **la résignation, la HIDEUSE resignation** (выделено нами. — *А. Ш., О. В., И. С.*), cette preparation del amort...» // *Недуги, тупое и холодное отвращение, тягостное пробуждение ненужных воспоминаний — вот, старина, перспектива, открывающаяся взору человека, которому перевалило за пятьдесят. А под этим и поверх всего этого — смирение, ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ смирение, это приготовление к смерти...* [Тургенев, т. XIII, с. 310—311]. Сниженная добродушно-ироническая коннотация, подтверждающая постепенное низвержение романтического кумира *резиньяция* в сознании писателя, присуща и однокоренному глаголу *резиньироваться*, дважды употребленному в письме П. В. Анненкову от 3 (15) ноября 1871 года: *Муж дал ей полную свободу с условием, чтобы она не вступила на сцену; она все-таки вступила — и муж резиньировался. Отец и мать не советовали ей идти на театр, зная, что ее сил на это не хватает, она не послушалась — и они тоже резиньировались, то есть махнули рукой* [Тургенев, т. XI, с. 154].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на то, что немецко-французская калька использовалась писателями и политиками не только в XIX, но и в XX веке (П. Д. Боборыкин, В. И. Ленин, Вяч. Полонский («Метаморфозы. Заметки», 1923), М. Горький («Жизнь Клима Самгина»), Е. Замятин («Москва — Петербург»)),



В. Набоков («Камера обскура», «Лолита»), В. Дудинцев, И. Бродский и др. [НКРЯ]), советскими читателями *резиньяция* воспринималась как малоопытное иноязычное слово. Один из корреспондентов газеты «Советская культура» от 24 января 1989 года критически замечает: *Газета ваша интересная, но нередко словечки заковыристые, что их в словарях нет. Откуда вы выкопали «сакрализацию», «резиньяцию», «континюаль»?* [Почта недели ..., 1989, с. 1]. Реакция читателя на слово *резиньяция* является свидетельством того, что слово, не успев утратить ореол элитарности и неологичности, не утвердившись в активном употреблении, перешло в пассивный запас и профессиональную сферу.

Сложно ответить однозначно, почему слово *резиньяция*, войдя в русский литературный язык из немецкого (с философскими идеями Шопенгауэра и образами Шиллера) в качестве несколько вычурного, высокого книжного семантико-стилистического синонима русских слов *покорность, смирение, безропотность, самоотречение*, просуществовав в активном употреблении лишь около столетия, ушло в пассивный запас лексики и сегодня имеет статус узкоупотребительного термина, крайне редко проникая в публицистику и беллетристику. Как нам представляется, здесь могло быть одновременно несколько причин: и отсутствие единообразного, приемлемого всеми носителями языка русского варианта написания слова (конкуренция графических вариантов *резиньяция* и *резигнация*), и «неукорененность» в русском языке — то есть отсутствие производных и родственных слов, в том числе других частей речи (за исключением глагола *резиньироваться*), которые могли бы создать продуктивное словообразовательное гнездо, способствующее закреплению этого заимствования в узусе, и ореол некой элитарности, и, главным образом, проигрыш в фонике (благозвучии) русским синонимам в связи с совпадением начальных звуков с фонетическим обликом корня в исконно русских словах *резать, резкий*, имеющих явно контрастирующую семантику, то есть нежелательные ассоциации на почве паронимии, связанные с актуализацией псевдокорня.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. АБТ — *Архив братьев Тургеневых*. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. 1814—1833 годы. — Петроград : Отд-ние русского языка и словесности Рос. акад. наук. Российская государственная академическая типография. 1921. — Т. 1. — 560 с.



2. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. В 9-ти томах. Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 — март 1848 / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 8. — 783 с.

3. *Брандт Р. Ф.* Переложения Ореста Головнина / Р. Ф. Брандт. — Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1886. — 83 с.

4. *Вяземский П. А.* Покорность / П. А. Вяземский // Московский Телеграф. — 1827. — Ч. 14. — № 7. — С. 204.

5. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти томах / А. И. Герцен. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — Т. 9. — 362 с.

6. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20-ти томах / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 2. — 745 с.

7. *Губерт Э. И.* Вильгельм Телль. Сочинение Шиллера. Часть вторая и последняя / Э. И. Губерт // Библиотека для чтения. — 1844. — LXIII. — Отд. V. — С. 25—36.

8. *Дмитриев М. А.* Покорность провидению. (Из Шиллера) / М. А. Дмитриев // Ура-ния. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности. — Москва : Наука, 1998. — С. 151—155.

9. *Дмитриев М. А.* Стихотворения Михаила Дмитриева : Ч. 1—2 / М. А. Дмитриев. — Москва : Тип. Августа Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1830. — Ч. 1. — 252 с.

10. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. 2003—2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.01.2024).

11.*нь. Бронницы.* Всепреданность. (Из Шиллера) // Галатея : Журнал литературы, новостей и мод. — 1829. — Ч. 6. — № 27—31. — С. 223—226.

12. *Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву.* — Женева : Georg et Co, 1896. — VIII, CVIII, 565 с.

13. ПСДа — *Письмо М. М. Сперанского дочери Е. М. Фроловой-Багреевой от 24 декабря 1818 года // Сперанский М. М. 65 писем Сперанского к его дочери, из Пензы и с дороги Сибирь.* Русский архив. — 1868. — № 7—8. — С. 1104—1214.

14. ПСДб — *Письмо М. М. Сперанского дочери Е. М. Фроловой-Багреевой от 8 мая 1820 года // Сперанский М. М. Письма Сперанского к его дочери, Елисавете Михайловне, с дороги в Сибирь, из Сибири и с возвратного оттуда пути. 1819 и 1820.* Русский архив. — 1868. — № 11. — С. 1682—1810.

15. *Почта недели // Советская культура.* — 1989. — С. 1.

16. СИС — *Словарь иностранных слов ; составлен бригадой Гос. института «СО-ВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ».* — Москва : ОГИЗ РСФСР, 1937. — 728 с.

17. СЛРЯ — *Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.* 4-е изд., стер. — Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 3. П—Р. — 750 с.

18. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва.* — Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 12. — 749 с.

19. СЭС — *Социологический энциклопедический словарь : на рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / ред.-координатор Г. В. Осипов ; Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук. Ин-т социологии Рос. акад. наук.* — Москва : ИНФРА-М—Норма, 1998. — 488 с. — ISBN 5-89123-162-X.

20. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 30-ти томах / И. С. Тургенев. — Москва : Наука, 1980—2018.

21. Ушаков — *Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под редакцией Д. С. Ушакова.* — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. — Т. 3. П—Ряшка. — 1424 стб.

22. Шиллер Ф. Собр. соч. в 8-ми т. / Ф. Шиллер. — Москва-Ленинград : АСА-DEMIА, 1937. — Т. 1. — 365 с.

23. Шиллер Ф. Собр. соч. в 7-ми т. / Ф. Шиллер. — Москва : ГИ Художественная литература, 1955. — Т. 1. — 776 с.

24. Шиллеръ Ф. Лирическія стихотворенія Шиллера. Въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Изданныя подъ редакцію Ник. Вас. Гербеля I / Ф. Шиллеръ. — Санкт-Петербург : Типографія Императорской академіи наукъ. 1857. — 339 с.

25. Шиллеръ Ф. Собрание сочиненій Шиллера в переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова / Ф. Шиллеръ. — Санкт-Петербург : Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1901. — Т. 1. — 479 с.

Литература

1. Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь» / В. Г. Арсланов. — Москва : Культурная революция, 2007. — 656 с. — ISBN 5-250-06004-8.

2. Баранова К. И. Кысь в «Кыси»: Смыслообразующий потенциал литературного онима и механизмы его реализации / К. И. Баранова, А. А. Фомин // Вопросы ономастики. — 2010. — № 2 (9). — С. 5–40.

3. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.

4. Бахтин М. М. Собрание сочинений. «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930—1950-е гг.). Комментарии и приложения. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 4 (1). — 1120 с. — ISBN 5-89216-010-6.

5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-7.

6. Данилевский Р. Ю. Иван Тургенев и Фридрих Шиллер (К 250-летию со дня рождения немецкого поэта) / Р. Ю. Данилевский // Спасский вестник. — 2010. — № 18. — С. 91—103.

7. Дергачева И. В. Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» / И. В. Дергачева // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 2. — С. 125—140. — DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622.

8. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — 5140 с.

9. Захарова Ю. Г. Интерсистемная лексика в русском языке второй половины XIX в. (на материале писем И. С. Тургенева) / Ю. Г. Захарова // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». — 2019. — № 3. — С. 22—24.

10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. Стереотип / Ю. Н. Караулов. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2019. — 264 с. — ISBN 978-5-397-06618-1.

11. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.

12. Красных В. В. Свой среди чужих : Миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — ISBN 5-94244-004-2.

13. Кузьмина Н. А. Интертекст : тема с вариациями : феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина ; изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2018. — 271 с. — ISBN 978-5-397-06338-8.

14. Михновец Н. Г. Прецедентные произведения и прецедентные темы, их место и роль в творчестве Ф. М. Достоевского : автореферат диссертация ... доктора филологии



ческих наук : 10.01.01 / Надежда Геннадьевна Михновец. — Санкт-Петербург, 2007. — 45 с.

15. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. — 207 с. — ISBN 5-7186-0238-X.

16. *Проценко Е. А.* К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения / Е. А. Проценко // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2006. — № 2. — С. 92—99.

17. *Thiergen P.* Образы Аркадии в русской литературе XVIII—XIX вв. / P. Thiergen // *Imagology and Comparative Studies*. — 2015. — № 2 (4). — С. 69—110. — DOI: 10.17223/24099554/4/4.

*Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 28.11.2024,
подготовлена к публикации 15.12.2024.*

Material resources

ABT — *Archive of the Turgenev brothers. Correspondence of Alexander Ivanovich Turgenev with the book. Peter Andreevich Vyazemsky. 1814—1833 years, 1.* (1921). Petrograd: Department of the Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. Russian State Academic Printing House. 560 p. (In Russ.).

Belinsky, V. G. (1982). *Collected works. In 9 volumes. Articles, reviews and notes, September 1845 — March 1848, 8.* Moscow: Fiction. 783 p. (In Russ.).

Brandt, R. F. (1886). *Transcriptions by Orest Golovnin.* Kiev: K. N. Milevsky Type. 83 p. (In Russ.).

Dmitriev, M. A. (1830). *Mikhail Dmitriev's Poems: Part 1—2, 1.* Moscow: Type. August Semyon at the Imp. Med.-surgical academy. 252 p. (In Russ.).

Dmitriev, M. A. (1998). Submission to providence. (From Schiller). In: *Urania. Pocket book for 1826 for lovers and lovers of Russian literature.* Moscow: Nauka. 151—155. (In Russ.).

Goncharov, I. A. (1997). *The complete collection of works and letters. In 20 volumes, 2.* St. Petersburg: Nauka. 745 p. (In Russ.).

Herzen, A. I. (1956). *Sobr. op. In 30 volumes, 9.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 362 p. (In Russ.).

Hubert, E. I. (1844). Wilhelm Tell. Schiller's essay. Part two and after. *Library for reading, LXIII (V):* 25—36. (In Russ.).

Letters of M. A. Bakunin to A. I. Herzen and N. P. Ogarev. (1896). Geneva: Georg et C°. VIII, CVIII, 565 p. (In Russ.).

Mail of the week. (1989). *Soviet culture.* P. 1. (In Russ.).

.....n. *Bronnitsy. Everything is unexpected. (From Schiller), 6 (27—31).* (1829). Galatea: Journal of Literature, News and Fashion. 223—226. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus.* Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 10.01.2024). (In Russ.).

PSDa — A letter from M. M. Speransky to the daughter of E. M. Frolova-Bagreeva dated December 24, 1818. *Speransky M. M. 65 letters from Speransky to his daughter, from Penza and from the Siberia road. Russian Archive, 7—8:* 1104—1214. (In Russ.).

PSDb — Letter of M. M. Speransky to the daughter of E. M. Frolova-Bagreeva dated May 8, 1820. (1868). *Speransky M. M. Letters of Speransky to his daughter, Elisaveta*



- Mikhailovna, from the road to Siberia, from Siberia and from the way back from there. 1819 and 1820. *Russian Archive*, 11: 1682—1810. (In Russ.).
- Schiller, F. (1857). *Lyric poetry of Schiller. In the translations of Russian poets. Published under the editorship of Nick. Vas. Gerbel I.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 339 p. (In Russ.).
- Schiller, F. (1901). *The collected works of Schiller in the translation of Russian writers edited by S. A. Vengerov, I.* St. Petersburg: Publishing House of Acc. General. Brockhaus-Efron. 479 p. (In Russ.).
- Schiller, F. (1937). *Collected works in 8 volumes, 1.* Moscow-Leningrad: ACADEMIA. 365 p. (In Russ.).
- Schiller, F. (1955). *Collected works in 7 volumes, 1.* Moscow: GI Fiction. 776 p. (In Russ.).
- SES — *Sociological Encyclopedic Dictionary: In Russian, English, German, French and Czech.* (1998). Moscow: Infra-M–Norma. 488 p. ISBN 5-89123-162-X. (In Russ.).
- SIS — *Dictionary of foreign words. Compiled by the team of the State Institute “SOVIET ENCYCLOPEDIA”.* (1937). Moscow: OGIZ RSFSR. 728 p. (In Russ.).
- SIRYa — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3.* (1999). Moscow: Rus. yaz.; Polygraph Resources. 750 p. (In Russ.).
- SSRLYa — Chernyshev, V. I. (1961). *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes, 12.* Moscow – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 749 p. (In Russ.).
- Turgenev, I. S. (1980—2018). *Complete collection of works and letters. In 30 volumes.* Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Ushakov — *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3. P—Ryashka.* (1939). Moscow: State Publishing House of foreign Languages. and the national words. 1424 stb. (In Russ.).
- Vyazemsky, P. A. (1827). Submissiveness. *Moscow Telegraph*, 14 (7): P. 204. (In Russ.).

References

- Arslanov, V. G. (2007). *Postmodernism and the Russian “third way”.* Moscow: Kulturnaya Respublika. 656 p. ISBN 5-250-06004-8. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2008). *Collected works. “Francois Rabelais in the history of the Republic” (1940). Materials for the book about Rabelais (1930s—1950s). Memoirs and appendices, 4 (1).* Moscow: Languages of Slavic Culture. 1120 p. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).
- Baranova, K. I., Fomin, A. A. (2010). Kys in “Kisi”: The semantic potential of a literary onym and the mechanisms of its implementation. *Questions of onomastics*, 2 (9): 5—40. (In Russ.).
- Barth, R. (1989). From the work to the text. In: *Selected works: Semiotics.* Poetics. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.).
- Danilevsky, R. Y. (2010). Ivan Turgenev and Friedrich Schiller (To the 250th anniversary of the birth of the German poet). *Spassky Vestnik*, 18: 91—103. (In Russ.).
- Dergacheva, I. V. (2021). The transition period in science “The Great investor”. *Problems of historical science*, 19 (2): 125—140. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622. (In Russ.).
- Epishkin, N. I. (2010). *Historical dictionary of gallicisms of the Russian language.* Moscow: ETS. 5140 p. (In Russ.).
- Gudkov, D. B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication.* Moscow: Gnosis. 288 p. ISBN 5-94244-007-7. (In Russ.).



- Karaulov, Yu. N. (2019). *Russian language and linguistic personality. Ed. Stratip.* Moscow: BIBLIOTEKA. 264 p. ISBN 978-5-397-06618-1. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Sociology and linguoculturology: a course of lectures.* Moscow: Gnosis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2003). *Who is among you: us or the republic?* Moscow: Gnosis. 375 p. ISBN 5-94244-004-2. (In Russ.).
- Kuzmina, N. A. (2018). *Intertext: a theme with variations: phenomena of language and culture in intertextual interpretation. Ed. 2nd, ispr. and add.* Moscow: BIBLIOGRAF. 271 p. ISBN 978-5-397-06338-8. (In Russ.).
- Mikhnovets, N. G. (2007). *Precedent works and precedent themes, their place and role in the work of F. M. Dostoevsky.* Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 45 p. (In Russ.).
- Nakhimova, E. A. (2007). *Precedent names in mass communication.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 207 p. ISBN 5-7186-0238-X. (In Russ.).
- Protsenko, E. A. (2006). On the problem of classification of vocabulary of foreign language origin. *Bulletin of the VSU. The series "Linguistics and intercultural communication", 2:* 92—99. (In Russ.).
- Tirgen, P. (2015). Images of the Arcade in Russian literature of the XVIII—XIX centuries. *Imagology and comparative studies, 2 (4):* 69—110. DOI: 10.17223/24099554/4/4. (In Russ.).
- Zakharov, A. G. (2019). Intersystemic vocabulary in the Russian language of the second half of the XIX century. (based on the material of I. S. Turgenev's letters). *Bulletin of the VSU. The series "Philology. Journalism", 3:* 22—24. (In Russ.).

*The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 28.11.2024;
accepted for publication 15.12.2024.*